

Результаты голосования

Кворум для принятия решения	405
Проголосовало "за"	465
Проголосовало "против"	330
Воздержалось	11
Всего проголосовало	806
Не голосовало	2

Решение принято. (*Шум в зале.*)

Это процедурный вопрос. Минутку, пусть нам дадут пояснения.

Дорофеев Г.П. В Регламенте нет определения того, когда на Съезде прекращают задавать вопросы. Но на основании опыта работы Верховного Совета, где данный вопрос является процедурным, я предлагаю и на Съезде считать его процедурным, и в этом случае — решение принято. Это мнение Комиссии по Регламенту. Предлагається Съезду считать вопрос процедурным.

Председательствующий. Друзья, я прошу вас согласиться. Ничего дополнительного мы не получим, вы поняли. (*Смех в зале.*) Давайте лучше заслушаем других ораторов. Спасибо за поддержку.

Уважаемые депутаты! Слово предоставляется первому заместителю Председателя Правительства Российской Федерации Гайдару Егору Тимуровичу.

15 минут хватит? То есть Егору Тимуровичу и Шумейко — по 15 минут, Исправникову — 10. (*Шум в зале.*) Ну, и ему тоже 15 минут дадим, хотя он согласен и на 10.

Пожалуйста, Егор Тимурович.

Гайдар Е.Т. Уважаемые народные депутаты! К тому времени, когда пятый Съезд, дав Президенту дополнительные полномочия, открыл дорогу к углублению экономических реформ, шесть лет колебаний, нерешительности, компромиссов уже породили настоящий социально-экономический хаос.

Я думаю, что не открою вам секрета, если скажу, что Президенту тогда с огромным трудом давалось формирование Правительства. Все прекрасно понимали, что пришло время расплаты за годы финансовой безответственности, за неплатежеспособность Внешэкономбанка, за разворованные природные ресурсы страны, за разваленные финансы, за неработающий рубль, за пустоту прилавков, за все те социальные демагогические обещания, которые раздавались вволю на протяжении последних лет.

Все понимали, что именно этому Правительству придется платить по всем этим счетам. Надо сказать, что очень многие известные общественные деятели, поколебавшись, уходили от предложений работать в этом Правительстве, предположив, что гораздо лучше переложить сначала все неприятности на других.

Осень 1991 года — это уже крутое падение общественного производства, это быстро останавливающаяся черная металлургия, за чем явно вставала угроза остановки всего машиностроения и строительства. Осень 1991 года — это время глубокого уныния и пессимизма, ожидания голода и холода. Все, кто в этой сложной ситуации решил бы и дальше тратить время на бесконечные и бесплодные дискуссии о безболезненных путях перехода к рынку, стабилизации экономики, ждать создания конкурентно-рыночной среды и формирования эффективной частной собственности, дождался бы паралича производства, гибели российской демократии и самой государственности.

Мы никогда не обещали, что реформы будут идти легко. Сейчас, после первого их этапа, можно подвести некоторые предварительные итоги, предложить те корректировки курса экономической политики, которые, видимо, придется вносить любому правительству — или этому, если ему будет доверено продолжать реформы, или любому другому, — потому что они просто вытекают из логики экономических процессов, из реальной ситуации в народном хозяйстве.

Да, масштабы повышения цен в январе оказались большими, чем мы предполагали, а падение уровня жизни — более резким. Вместо постепенного разгона темпов инфляции в январе — феврале мы получили их резкий скачок за первые три недели января, после чего наступил период относительной стабилизации цен, продолжавшийся с конца января примерно до конца февраля. В это время цены снизились примерно по 40 процентам номенклатуры продовольственных товаров. Лишь со второй половины февраля и в марте вновь начинает проявляться тенденция повышения цен вслед за смягчением денежной политики, увеличением социальных выплат.

Сейчас можно сказать, что со скрипом рыночные механизмы заработали. И сегодня, принимая под давлением любое вынужденное решение по смягчению денежной политики, мы должны иметь в виду, что это решение прямо и непосредственно через неделю скажется на ситуации на потребительском рынке.

Ситуация в торговле, разумеется, не стала благоостной, но она радикально переменялась. Практически постоянно растет число городов, в которых есть в продаже мясо, мясопродукты, молочные продукты, важнейшие виды промышленных товаров народного потребления. Это — не благодатный рынок, это — не рынок изобилия, но это уже и не тот развал, который был в ноябре — декабре.

Да, страна тяжело, болезненно преодолевает сопротивление тех социальных групп, которые всю жизнь занимались распределением дефицитных ресурсов и предпочитали бы заниматься этим вечно, входит в другую систему регулирования. Здесь с трудом было воспринято то, что сказал Президент об авторитете рубля. Но обратите внимание, с какой легкостью, буквально незаметно за январь — февраль рубль смел с рынка государств СНГ денежные суррогаты, которые пытались запустить в оборот и которые вызывали такую панику у многих специалистов и многих депутатов, как быстро обесценился украинский купон. При огромном, действительно скачкообразном росте цен реальный курс доллара к рублю не упал по сравнению с концом декабря. Это значит, что реально доллар сегодня стоит ровно в 4—5 раз меньше, чем он стоил в декабре. Это реальный результат реформы.

Разумеется, мы начали проводить очень жесткую бюджетную политику не для того, чтобы гордо записать себе нуль в бюджетном дефиците. Все это нужно было для того, чтобы спасти рубль, дать народному хозяйству, рынку то, в чем он остро нуждается, — устойчивую, стабильную национальную валюту как основу устойчивой, стабильной государственности.

Разумеется, набравшие собственную деструктивную инерцию процессы в сфере материального производства нельзя было остановить по мановению волшебной палочки. За резко упавшим уже к осени сокращением производства стоят и развал связей с Восточной Европой, и ухудшение условий торговли с государствами Содружества, и упавший импорт, и уже износившееся оборудование. Да и за саму финансовую стабилизацию, как известно, практически всем и везде в мире приходится довольно дорого платить падением производства.

Предполагать, что вслед за либерализацией цен немедленно начнется индустриальный подъем, могли лишь безграмотные авантюристы. И сейчас можно спокойно,

без истерики разобраться с тем, что же у нас произошло за последние три месяца в сфере материального производства. Сделав это, мы увидим, что здесь перекрещиваются три существенно различных процесса.

Первый из них — постепенная стабилизация положения в базовых отраслях народного хозяйства. Остается устойчивой добыча газа, стабилизировалась добыча коксующихся углей. Это позволило приостановить падение производства в черной металлургии и отдельных видов продукции машиностроения. Заметно возросло производство важнейших химических конструкционных материалов: полиэтилена, полипропилена. Естественно, я сравниваю с реальной базой состояния экономики осени прошлого года. Разумеется, мы видим, что и здесь продолжают неблагоприятные процессы, и в первую очередь они проявляются в нефтяной промышленности, где падение добычи пока остановить не удастся.

Второй — действительно предельно неприятный процесс — сокращение производства целого ряда технически сложных товаров, в том числе технически сложных товаров длительного пользования, обусловленный нарастающим и продолжающимся развалом хозяйственных связей в Содружестве. Это действительно опасный процесс, его необходимо остановить.

Третий — начало структурного кризиса в целом ряде отраслей, производство в которых было либо избыточным, как в производстве вооружений, либо не было обеспечено соответствующим уровнем эффективности и себестоимости производимой продукции, как в сельскохозяйственном машиностроении, которое сворачивается, к сожалению, пока сравнительно быстро. Производство комбайнов, скажем, сократилось на одну треть.

В целом детальный анализ показывает, что к настоящему времени нет каких-либо признаков того, что запуск рыночных механизмов привел к углублению кризиса в материальном производстве. Нам придется пройти еще нелегкий путь до того, как удастся в полной мере остановить промышленный спад, создать предпосылки экономического роста, но оснований для паники нет.

После периода первых неудач, связанных с неотработанностью нового механизма внешнеэкономического регулирования, организационных сбоев начал быстро расти экспорт. Существенное увеличение доли валюты, которую мы оставляем в распоряжении предприятий, рыночный валютный курс, действенные стимулы для экспорта

машиностроительной продукции привели к перелому тенденции в этой сфере.

Если в прошлом году происходило помесечное сокращение экспорта (оно продолжалось и в январе), то к марту объем экспорта продукции из России увеличился по сравнению с январем более чем на 2 миллиарда рублей и более чем на миллиард рублей превысил уровень декабря прошлого года. Уровень экспорта в страны Восточной Европы, развал отношений с которыми был важнейшей причиной паралича нашей собственной промышленности, увеличился за это время в 2 раза.

В 2 раза увеличился экспорт машиностроительной продукции, резко растет ее доля в нашем экспорте. Таким образом, мы постепенно перестаем быть государством, вывозящим только сырье. Введенные экспортные тарифы на вывоз сырья, топлива, энергетики — это жесткая мера, но она необходима для того, чтобы остановить чисто сырьевую направленность нашего экспорта, дать вздохнуть собственной обрабатывающей промышленности.

Разумеется, начиная реформы, мы не рассчитывали на существенную финансовую поддержку Запада. Знали: никто в мире не готов бросать деньги на ветер, никто не решит за нас наших собственных проблем. Знали и то, как долго и настойчиво приходилось многим странам идти по пути рыночных реформ, стабилизационной политики, прежде чем удавалось завоевать устойчивое доверие международного сообщества, открыть широкий путь притоку ресурсов, необходимых для структурной перестройки экономики, обеспечения устойчивого экономического роста.

Мы полагали, что в лучшем случае нам потребуются годы последовательных решительных рыночных реформ и проведения ответственной финансовой политики, чтобы переломить недоверие потенциальных инвесторов.

К счастью, в данном случае мы ошиблись. Осознав меру своей исторической ответственности, роль России в современном мире, влияние происходящих в ней процессов на судьбы всего человечества, ведущие государства мира достойно ответили на вызов времени.

Всего несколько месяцев серьезных рыночно ориентированных радикальных реформ потребовалось, чтобы переломить сомнения, отбросить накопившиеся предубеждения, принять решения о беспрецедентной по масштабам финансовой помощи реформам в России.

Как вы знаете, речь идет о выделении только в этом году 24 миллиардов долларов, необходимых для обес-

печения устойчивой конвертируемости рубля, жизненно важной бесперебойной работы промышленности, импортных поставок, финансирования масштабной структурной перестройки и обновления российской экономики.

Речь идет о программе, сопоставимой по масштабам ее роли в мировой истории только со знаменитым планом Маршалла, проложившим дорогу экономическому возрождению Западной Европы после второй мировой войны. Тогда Европа сумела достойно распорядиться этим шансом: построила фундамент экономического процветания, здоровой собственной экономики, не зависимой ни от кого. Все возможности повторить этот успех сегодня есть у России. Будет верхом безответственности, если, испугавшись первых трудностей реформ, мы не воспользуемся этим шансом, повернем обратно в безнадежный тупик популистской политики, финансовых авантюр, команд и рапортов.

Сам факт принятия беспрецедентного по масштабам решения о финансовой поддержке реформ в России, связанные с ним изменения инвестиционного климата в отношении нашей страны, вал предложений крупных, солидных западных компаний по инвестициям в российскую экономику, поднявшийся буквально в первые часы после объявления о принятых решениях, существенно меняют условия формирования и реализации экономической политики внутри России.

Конечно, нас по-прежнему волнуют острейшие текущие проблемы. Конечно, важнейшая из них сегодня — это кризис неплатежей, на причинах которого я подробно останавливаться не буду, как не буду говорить и о тех мерах, которые Правительство уже наметило вместе с Центральным банком для того, чтобы эти проблемы решать. Важным является другое. Нам действительно сегодня придется существенно сместить акценты в своей деятельности. Можно сказать, что уже сформировались предпосылки для того, чтобы перейти от вдохновленной мужеством отчаяния кавалерийской атаки к подготовке и реализации широкой программы углубления экономических реформ и реконструкции российской экономики.

Среди возникших направлений этой политики — глубокая перестройка структуры народного хозяйства, демилитаризация экономики, ее открытие, приватизация, формирование эффективной структуры собственности. Именно здесь сегодня предстоит сконцентрировать усилия любому российскому правительству, которое

понимает сложившуюся ситуацию, видит перспективы и ответственно за судьбы России.

О конверсии. Разумеется, все мы прекрасно понимаем, что именно с конверсией оборонной промышленности связываем наши надежды на радикальную структурную перестройку, выход на мировой рынок с высокими технологиями. То, что мы вынуждены были входить в конверсию столь жестко, резко сокращая закупки вооружений, было связано в первую очередь с предельной ограниченностью наших собственных финансовых ресурсов.

Уже сегодня мы существенно расширяем финансирование конверсионных программ, работаем над программой создания на базе оборонных предприятий мощного комплексного производства нефтегазодобывающего оборудования; оборудования для лесотехнической, лесоперерабатывающей промышленности, для переработки сельскохозяйственной продукции, производства товаров народного потребления. Сюда мы предполагаем направить не только финансовые ресурсы бюджета, кредитные ресурсы российской банковской системы, но и значительную часть финансовых средств, предоставляемых международными финансовыми организациями.

Демилитаризация экономики, начало ее глубокой структурной перестройки открывает дорогу реализации нашей стратегической линии в области финансовой политики, линии на разгрузку государственного бюджета от неэффективных расходов.

Уважаемые народные депутаты! Ограниченность времени, разумеется, не позволяет мне мало-мальски систематично изложить нашу точку зрения на основные направления работы Правительства. Хочу сказать лишь о главном.

Да, мы прошли очень тяжелые пять месяцев. Да, в этих пяти месяцах была сконцентрирована расплата за целый период нерешительности и безответственности. Да, уже сформировались уникальные предпосылки экономического подъема в России. Мы получили то, к чему страны идут годами. Мы получили возможность провести серьезную, глубокую структурную перестройку экономики на базе крупных дополнительных финансовых ресурсов, не сопоставимых сегодня с ресурсами нашего собственного государственного бюджета.

Сегодня Россия имеет шанс войти в полосу экономического подъема. Упустить этот шанс, сорваться, испугаться трудностей было бы, на наш взгляд, преступлением перед Россией. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. Слово для выступления предоставляется заместителю Председателя Верховного Совета Российской Федерации Шумейко Владимиру Филипповичу, как мы и обговаривали. Все по Регламенту.

Шумейко В.Ф., Краснодарский национально-территориальный избирательный округ, Краснодарский край.

Уважаемый Президент! Уважаемые народные депутаты! Я также скажу, что не так много времени дается для того, чтобы в выступлении полностью осветить такой громадный вопрос, как реформа экономики. Поэтому в своем выступлении я тоже остановлюсь лишь на некоторых моментах — на ходе реформы только в сфере промышленного производства, оценив здесь влияние лишь некоторых радикальных мер Правительства.

Во-первых, о политике цен. Проведенный нами анализ показывает, что да, действительно, одной из основных причин незапланированного, резкого скачка цен является крайний монополизм изготовителей продукции, отставание в формировании конкурентных рыночных структур. Предприятия-монополисты незамедлительно воспользовались либерализацией цен, стали устанавливать цены, в 10 раз превышающие ожидаемые, и резко наращивать доходы и прибыль даже при сокращении производства.

Можно спросить, где же антимонопольные меры? К сожалению, антимонопольные меры, осуществляемые Государственным комитетом по антимонопольной политике, пока желаемых результатов не принесли. И здесь, на наш взгляд, дело не только в самих действиях комитета. Дело в том, что, во-первых, степень монополизации российской экономики не имеет себе равных в мире. В государственный реестр монополистов внесено сегодня более двух тысяч предприятий и объединений. Достаточно сказать, что значительная часть продукции машиностроения выпускается на одном-единственном или на двух-трех предприятиях. Обеспечение в этих условиях даже выборочного контроля за каждым монополистом — это очень трудная, почти нереальная задача.

Во-вторых, и, на наш взгляд, это самое страшное: сами органы государственного управления преподают уроки крайнего монополизма на товарных рынках. Я приведу лишь пару-тройку примеров.

Например, Госкомнефтепродукт России выпустил прејскурант, который называется "Оптовые цены на нефтепродукты". Этот действующий в настоящее время прејскурант предусматривает повышение цен

на некоторые нефтепродукты с коэффициентом от 6,4 до 11,5, в то время как указ Президента, подписанный ранее, — только с коэффициентом 4,8.

Или другой очень яркий пример. В Москве распоряжением вице-мэра от 23 марта сего года создана муниципальная компания "Главмосстрой", которая объединила 88 предприятий, заводов, организаций строительства. И раньше она называлась ПСО "Главмосстрой". Вот вам налицо пресловутая смена вывески.

В этих случаях неприкрытого государственного монополизма, когда, например, дополнительные полномочия мэру Москвы дает сам Президент, Антимонопольный комитет почти бессилён, хотя он и выведен из структуры Правительства и подотчетен Верховному Совету. Кстати сказать, к сожалению, несмотря на то что Верховный Совет дважды проголосовал за такое решение, Президент, которого, очевидно, ввели в заблуждение сторонники монополизма, до сих пор не подписал этот закон.

Тем не менее продолжающийся рост цен и связанное с ним дальнейшее падение производства вскоре превратят подавляющее большинство предприятий в монополистов. Этот вопрос чрезвычайно важен. И здесь принципиальным является то, что для 90 процентов населения цены не являются свободными и рыночными, они не определяются спросом и предложением.

Характер цен носит ярко выраженный нормативно-расчетный характер. Они определяются не спросом-предложением на рынке, а себестоимостью монопольного производителя. Так, по данным Госкомстата России, 40 процентов удорожания промышленных товаров связано с монопольным повышением цен на сырье и материалы, еще 40 процентов связано с налогом на добавленную стоимость и товарными надбавками и лишь 20 процентов остается на все остальные причины, включая ценовые претензии самого монопольного производителя.

Поэтому очень трудно ожидать, что механическое осуществление либерализации цен приведет к появлению конкурентоспособного товаропроизводителя и к росту производства, наполнению рынка товарами и к ожидающемуся снижению цен.

На наш взгляд, надо понять, что нужно искать какие-то другие меры. И может быть, Правительству следует все-таки вернуться, не сдерживая процесса либерализации цен, к рассмотрению предложений о введении предельных нормативов рентабельности.

Многие будут говорить, что это не рыночная мера, что предел рентабельности ограничит маневр производства. Но еще раз надо подумать — это может оказаться единственной мерой, которая сегодня сократит такой вот рост.

Теперь несколько слов о налоговой политике.

Если вспомнить недавнюю историю, и вспомнить ее абсолютно честно для себя, для всех сидящих здесь депутатов, то мы должны отдавать себе отчет в том, что в 1990—1991 годах — в период противостояния центра и освобождающихся от него республик — именно установление меньших ставок налогов было одним из важных средств политической борьбы за влияние на трудовые коллективы, за влияние на руководителей этих коллективов. И центр снижал, и мы снижали. И так довели до того, что ставки налогов на прибыль, если вы помните, мы снизили до 32 процентов. Вызванное политической борьбой, это снижение ставок налогов стало, на наш взгляд, одной из главных причин резкого увеличения бюджетного дефицита России, который достиг в 1991 году рекордной суммы — 108,4 миллиарда рублей, то есть почти 10 процентов валового национального продукта. Естественно, что добытые в политической борьбе льготы совершенно необоснованны с точки зрения экономических преобразований. Правда, теперь, в период проведения радикальных реформ, из одной крайности перешли в другую: 90 процентов государственных доходов предполагается получить за счет налогообложения. Общее количество налогов всех уровней возросло до 42. Всех — я имею в виду и федеральный, и местный, и республиканский, и краевой, и так далее. 42 вида налогов, из них 21 обязательный. А практика показывает: когда ставки налогов определяются в первую очередь именно из фискальных соображений, они как раз способствуют и росту цен, и свертыванию производства.

Здесь есть еще одна сторона, на которую надо обращать внимание. Вот эти необоснованные, но громадные ставки заставляют, стимулируют массовое стремление руководителей предприятий добиваться всяческих налоговых льгот, находить лазейки в налоговом законодательстве, а зачастую просто обманывать государство.

Предусмотренные законодательством налоговые льготы предоставляются сегодня Правительством бессистемно. Значительная часть льгот предоставляется

в индивидуальном порядке отдельным территориям и предприятиям, и сохранение такого порядка не только является прямым поощрением коррупции, но и носит крайне неэффективный характер. Ведь налоговые льготы зачастую предоставляются при такой системе как раз не тем, кто в них нуждается, а тем, кто может с позиции силы разговаривать с Правительством или какими-то иными мерами добиваться себе послабления.

Что получается в результате? В результате получается, что от ожидаемой суммы за счет налогов на добавленную стоимость в феврале собрали только 36 процентов, а от акцизов — 44 процента (правда, за счет резкого роста цен сумма налога на прибыль оказалась на 30 процентов больше ожидаемой). Фактически получается, что вся масса централизуемых бюджетом средств, которую удастся сегодня собрать, направляется на все увеличивающиеся социальные выплаты, и по существу, ни копейки не используется на саму основу реформ — на структурную перестройку промышленности. Поэтому мы считаем: надо немедленно рассмотреть вопрос о снижении налоговых ставок. Налоги должны поощрять производителей. Чем больше будет производителей, тем больше государство сможет собрать налогов. Хотя бы снизить налог на добавленную стоимость с 28 до 20 процентов, а в добывающих отраслях, сельском хозяйстве, пищевой промышленности — до 10 процентов.

Во-вторых, на наш взгляд, необходимо рассмотреть вопрос о перераспределении налоговых поступлений в пользу территориальных бюджетов, с тем чтобы не ставить местные органы власти в положение, требующее от них усиления налогового давления.

В-третьих, необходимо рассмотреть введение специальных видов налогов выборочного временного характера именно на этот переходный период. Но почему, допустим, не ввести налог на монополистов или не установить налог на товарно-материальные ценности, которые хранятся на складах производств? Например, за первый год — полпроцента, за второй год — 50 процентов, а за третий — 100 — 120 процентов. Это смогло бы более стимулировать именно дефицитный товарный рынок.

Наконец, последний момент (на мой взгляд, самый главный для промышленности), на котором мне хотелось бы остановиться в своем выступлении. Это система управления экономикой.

Вновь созданные, а в большинстве своем реорганизованные министерства, построенные по отраслевому при-

нципу, осуществляют функции, явно далекие от необходимых для условий перехода к рыночной экономике. Вопреки всяческим реформам на глазах возрождается командный стиль руководства экономикой, прямое вмешательство в хозяйственную жизнь предприятий. Как показал анализ структуры Министерства промышленности Российской Федерации, его департаменты практически являются зеркальным отражением отраслевых министерств союзного Совмина — образца начала 80-х годов — с тем только отличием (как говорят многие генеральные директора), что общий уровень компетентности на порядок ниже, чем был тогда.

В положении некоторых департаментов записано, что они являются юридическими лицами, имеют собственные счета в банках, создают собственные внебюджетные фонды за счет отчислений предприятий, осуществляют право распоряжения и управления собственностью предприятий, хотя последняя функция, как вы знаете, отдана законом только Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом. Более того, своим департаментам Минпром определил право самостоятельно создавать и организовывать предприятия, что противоречит Закону РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности". Фактически деятельность этих департаментов и комитетов отраслевых министерств носит открытый монопольный характер, что вступает в противоречие с Законом России "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках".

Я процитирую пункт 2 статьи 7 названного Закона: "Запрещается образование министерств, государственных комитетов, других структур государственного управления с целью монополизации производства и реализации товаров..." И далее: "...наделение существующих министерств, государственных комитетов или других структур государственного управления полномочиями, осуществление которых имеет либо может иметь своим результатом существенное ограничение конкуренции".

А сегодня в конкурентах у этих департаментов — именно новые рыночные образования, которые пока еще находятся в государственной собственности. Я имею в виду те межотраслевые государственные объединения, концерны, ассоциации и другие объединения, которые создали добровольно сами предприятия и делегировали этим образованиям выполнение координационных функций

и в сфере научно-технической и других видах деятельности.

Большая часть функций, выполняемых Минпромом и его департаментами, с большей эффективностью выполняется именно соответствующими структурами этих объединений предприятий, действующих на коммерческой основе, услуги которых оплачивают сами предприятия. Это касается прежде всего поставок продукции, ее сбыта и обслуживания, развития техники, подготовки кадров и внешнеэкономической деятельности. Поэтому, на наш взгляд, необходимо немедленно упростить структуру управления, уточнить функции органов государственного управления промышленным комплексом, исключив все звенья, по крайней мере те, которые вступили сегодня в противоречие с законом.

Уже в течение 1992 года хотелось бы провести массовое акционирование государственных предприятий, даже пока без их приватизации. При этом пакет акций государства должен передаваться специальным холдинговым компаниям, находящимся под жестким государственным контролем. При создании холдингов целесообразно ориентироваться не на отраслевую, а на межотраслевую и, главное, на региональные принципы, уменьшающие возможность монополистической деятельности. При этом не надо исключать возможность покупки одними государственными предприятиями акций других предприятий, прежде всего традиционными смежниками.

В быстром акционировании государственных предприятий главное — изменение их статуса, номинальный вывод имущества из государственной собственности, переход к самостоятельности и исключение принципа "подведомственности".

Сегодня руководителям государственных предприятий на самом деле необходимо предоставить предпринимательскую свободу. Должностным лицам администрации приватизируемых предприятий закон должен предоставлять возможность приобретения в соответствии с контрактом акций до 10, а может быть, и до 20 процентов от величины уставного капитала. И это совершенно не менюклатурная приватизация, как многие ее называют. Если руководители предприятий будут уверены, что в нарастающем и нарождающемся классе собственников они не будут занимать последнее место, то дело, которое мы вершим в становлении рыночных отношений и развитии предпринимательства, резко ускорится.

Но, с другой стороны, надо усилить и стимулы трудовых коллективов в преобразовании собственности. Нельзя допускать, как это предусмотрено государственной программой приватизации, чтобы все акции, выделяемые работникам бесплатно, были только привилегированными. Это серьезно ущемляет коллектив, трудящиеся должны иметь достаточное количество акций с правом голоса, что позволит коллективу в большей степени принимать участие в управлении предприятием.

Особое внимание следует обратить на развитие малых предприятий. Малый бизнес уже в ближайшей перспективе может сыграть свою роль в насыщении потребительского рынка, демополизации экономики, развитии производства и социальной инфраструктуры.

Велико значение малых предприятий в создании новых рабочих мест, что особенно актуально в связи с прогнозируемым ростом безработицы.

Есть хорошие цифры. По данным Госкомстата России, только в 1991 году количество малых предприятий увеличилось в 10 раз и достигло уже 150 тысяч. И здесь положительным моментом реформы (должны же быть хоть какие-то положительные моменты) с точки зрения развития рыночного хозяйства является резкое ускорение процесса создания предприятий малого бизнеса, особенно в связи с действием Указов Президента "О коммерциализации деятельности предприятий торговли в РСФСР", "О коммерциализации деятельности предприятий бытового обслуживания населения в РСФСР". Например, в Москве только за последние пять месяцев зарегистрировано около 40 тысяч предприятий различных организационно-правовых форм.

Тем не менее сегодня, как никогда, малый и средний бизнес нуждаются в реальной государственной поддержке. Необходимо, несмотря на сложное положение с формированием государственного бюджета, предусмотреть в нем выделение средств для поддержки малых предприятий, в том числе и выполнить решение Верховного Совета, которое он принял еще в прошлом году, о создании фонда поддержки предпринимательства, основным из направлений которого должна стать как раз гарантия кредитов банков и страхования малого бизнеса.

В заключение несколько слов о доверии Правительству.

Почти все без исключения средства массовой информации, и не только они, взалхб критикуют

правительство Гайдара. Но Гайдар Правительство не возглавляет. Дело в том, что именно Борис Николаевич Ельцин, как Президент России, получив на выборах мандат народного доверия и на пятом Съезде соответствующие полномочия, сформировал это Правительство. И пусть все говорят, что, мол, это правительство непрофессионалов и так далее, что они больше теоретики, чем практики. Мне приходится по роду своей деятельности очень много работать с Правительством, и абсолютно ответственно могу вам сказать, что это — профессионалы. И только потому профессионалы, что они делают эти реформы. (*Аплодисменты.*)

Они делают эти реформы в тяжелейших условиях, доставшихся им в наследство как раз от тех самых советчиков, именитых и маститых советчиков от экономики, которые до сих пор продолжают советовать и критиковать Правительство. И правильно здесь говорили, что никто из них не согласился бросить все и идти это делать.

Конечно, может быть, не их, так сказать, вина, а беда в том, что они не знают экономику социализма, но они знают рыночную экономику. Экономику социализма не знает никто, потому что ученым строй не давал изучать экономику с точки зрения ее критики. Все академики, все профессора изучали социалистическую экономику, чтобы ее похвалить и доказать, что социализм лучше любого другого строя.

Поэтому, на наш взгляд, сегодня надо все-таки критиковать Правительство, критиковать надо очень резко, но конструктивно. И Президенту, как главе государства, как главе Правительства, необходимо усилить управленческо-хозяйственный блок, пополнить его мощными кадрами, которые знают практику, знают экономику социализма.

И Председателю Верховного Совета, и мне по роду деятельности часто (и очень часто) приходится встречаться со всеми представителями промышленности. И вот письмо, написанное народными депутатами фракции "Промышленный союз" в адрес Президента Ельцина. Я вам прочитаю одну фразу — она, на мой взгляд, ключевая. Вот что они пишут: "На наш взгляд, начинается новый этап реформы — проведение ее на микроуровне, уровне предприятий и объединений". То есть наступает черновая работа профессионалов. Вот где ключевой момент во всем этом вопросе! Я думаю, что Президент

сделает выводы. Он говорил об этом в своем докладе и дополнит Правительство вот этим самым мощным управленческо-хозяйственным блоком.

В каждом явлении должны быть обязательно две стороны, должна быть критика того, что происходит. Президенту немедленно, на наш взгляд, все-таки надо внести в Верховный Совет проект закона о Правительстве Российской Федерации. Мы должны знать, что такое наше Правительство, что оно может делать, за что оно отвечает, перед кем отчитывается. Надо вменить в практику периодические отчеты Правительства на Верховном Совете. Верховный Совет не хочет представлять себя каким-то самым умным органом. Просто надо, необходимо всегда подключать коллективный разум.

В этом плане хочу сказать всем присутствующим в этом зале народным депутатам: хотим мы этого с вами или не хотим (или кто-то хотел бы или не хотел бы), все как один мы ответственны за то, что сегодня происходит в стране. Все как один! И поэтому не надо перекладывать вину с одного на другого. Самое главное на нашем Съезде, я считаю, — выйти на такую конструктивную критику, в результате которой сторонников реформ станет значительно больше, чем противников. Спасибо за внимание. (*Аплодисменты.*)

Председательствующий. Уважаемые народные депутаты! Прежде чем дать слово Исправникову, хотел бы зачитать одну записку и посоветоваться со Съездом. От Слободкина Юрия Максимовича. Зачитать я должен: "Прошу предоставить возможность задать три вопроса вице-премьеру Гайдару. Если такая возможность не будет предоставлена, буду рассматривать это как стремление сгладить остроту рассматриваемой проблемы и как откровенную трусость".

Это мне. Я думаю, что вы все знаете, что, ей-Богу, я вовсе не из трусливых людей, но надо ли давать сейчас слово? Записку я вам зачитал, поэтому позвольте я представлю слово Исправникову, потом, если будет настаивать Съезд, я дам возможность задать вопросы.

Владимир Олегович Исправников, председатель Высшего экономического совета.

Исправников В.О., Первомайский территориальный избирательный округ, Омская область.

Уважаемый Президент! Уважаемый председательствующий! Уважаемые народные депутаты! Прежде всего, как ваш коллега, хочу сказать следующее.